

КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ

ЛАДА ЛУЗИНА

ПРИНЦЕССА ГРЕЗА

ХАРЬКОВ • ФОЛМО • 2013

*Любимому Шоколадному домику,
над реставрацией которого я работала
в прошлом веке, — посвящается.*

Автор

Да, это правда, лилии прекрасны,
Горды, чисты... Но лилии опасны.

Э. Ростан

— Можно я полетаю?

— Только без «мертвых петель»...

— Тогда зачем вообще летать? — спросила Даша Чуб, опускающая одновременно метлу, нос и голову вниз, а уже взлетевшую со ступенек музея попу на прежнее — нагретое место.

Такое резкое падение духа и тела одной из двух дежурных Киевщиц показалось второй подозрительным.

— Что-то случилось? — спросила Маша. И на всякий случай огляделась вокруг — на безлюдный Музей Истории, Андреевский спуск, Пейзажную аллею и опоясанный цепью-забором яр под приютившей их Старокиевской горой, — но не обнаружила ничего, что могло послужить причиной внезапного расстройства.

— Ничего, — подтвердила Даша. — В том-то и дело... ничего не происходит! Так и сижу без работы, без парня, без удачи... Я — безудачница.

— Неудачница.

— Безудачница лучше звучит. Еще лучше — обезудаченная. Типа обездоленная. Потому что кто-то спер твою долю. Кстати, — на миг оживилась она, — как думаешь, мою удачу мог кто-то спереть? — и продолжила, не дав Маше секунды ответить. — В общем, сама не знаю, зачем я подписалась на этот конкурс. Хотя у меня и песня есть. Даже трогательная... Но ни идеи, ни танца, ни костюма, ни желания. Может, лучше совсем не ходить? Я же все равно проиграю? А проиграть — еще хуже, чем вообще не участвовать. Тогда я окончательно в себе разуверюсь. Хо-отя, — тоскливо протянула она, — чего я тебе вешаю. Тебе, наверное, еще хуже. Тоже мне радость — ребенка родить без отца от какого-то гения¹, который умер сто лет назад и на этом основании считает себя свободным. А ты теперь должна сама покупать его дитю памперсы...

— Да нет, не в этом дело, — сказала Маша, глядя на небо. — А в том, что он никогда меня не любил, — ее голос был даже чересчур равнодушно-бесстрастным — так говорят о чем-то решенном, забытом, окончательно

¹ Об отношениях Маши с художником Михаилом Врубелем читайте в первой книге «Киевские ведьмы. Меч и Крест».

признанном неважным, хотя и печальным. — Он видел меня два раза в жизни. И оба раза я была — кстати. И была слишком глупой, чтоб это понять. Что поделаться, я никогда мужчинам не нравилась. Но это неважно. Теперь у меня есть Мир, и он любит меня не за красивую внешность. И Миша — всегда будет нашим сыном. Все кончено...

— Все — в смысле жизнь? — изумленно возмутилась Чуб. — То есть, в 22 года ты себя похоронила как женщину? Ты б хоть предупредила, я б на поминки пришла, скандал там устроить.

— Как женщина, во всяком случае как роковая, я и не рождалась, — примирительно улыбнулась Ковалева.

— Нелогично выходит, — опротестовала Чуб. — Роковая женщина — та, что обладает природным магнетизмом. И ведьма им обладает. Значит, если бы ты была бездарна как женщина, ты бы не стала ведьмой.

— Мы не ведьмы, мы — Киевщицы. А когда твой конкурс? — неприкрыто сменила тему студентка.

— Завтра вечером... А я даже не выплусь. Ведь я Ки-е-ви-ца, — произнесла Даша Чуб по слогам. — Ночами я сижу на горе, караулю, вдруг в Киеве что-то случится, где-то и с кем-то. А что со мной происходит, вообще никого не волнует. Ведь да?

«Нет!» — хотела сказать Ковалева. Но не смогла. Поскольку, во-первых, то была хоть не чистая, но все-таки

правда, а, во-вторых, в тот же миг она стала сияющей явью. Небо над безлюдной Старокиевской горой загорелось триллионом звезд, но лишь одна из них была предупредительно красной. И, вцепившись в нее взглядом, Маша, как обычно, увидела, что тревожная точка разрастается, а небо меняется местами с землей...

С бесконечной высоты Маша Ковалева летела на залитый солнцем, перерезанный Днепром двукрылый град-Киев. Он приближался, разрастался. Вначале она увидела россыпь золотых куполов, затем крыши двух маленьких домиков и белую стену с почти примкнувшим к ней высоким жилым зданием, стремительно пронеслась мимо окон и двери на первом-втором этаже и приземлилась на асфальт между двух мусорных баков. С шумом втянула воздух, выдохнула так и не преодоленный ею страх иллюзии падения вниз и, наконец, с облегчением вновь отыскала себя на Старокиевской. Видение рассеялось.

— Купола, стена, дом. Ты то же самое видела? — спросила Даша.

— Да.

— Нужно вычислить, где это...

— Не нужно, — сказала студентка-историчка. — Это Софийский собор¹. Но не с центрального входа.

¹ Заповедник София Киевская входит в число семи чудес Украины, перечень объектов всемирного наследия (ЮНЕСКО).

Где-то со стороны Рейтарской или Стрелецкой. Нужно бежать...

— Не нужно, — парировала Даша. — Ты чё, ничего не заметила?

— Не-ет, — попыталась припомнить Маша. — Я вообще мало заметила. Только Софию, два окна, дверь и двор...

— ...и дневной свет! Сейчас час ночи, а там, в видении, солнце сияло. В первый раз у нас такое. Хотя логично вообще. Преступления ж не только ночью, во время дежурства, случаются.

— Значит завтра, при первых лучах солнца мы должны быть в том дворе, — подвела итог Маша и добавила: — Видишь, как здорово, Киев словно услышал тебя. Ты сможешь выспаться.

— Поспать четыре часа — это, по-твоему, выспаться? — выпятила нижнюю губу Даша Чуб. — Я и не знала, Маша, что ты у нас оптимистка.

Себя Даша, напротив, причисляла к оптимистам всегда... но только не в пять тридцать утра. Жестокий, немилосердно-яркий свет, взрезавший веки хирургическим скальпелем, был электрическим. Кривьясь, Чуб

приоткрыла глаза. На груди у нее сидела шарообразная толстая рыжая кошка. Даша привычно вытянула пухлые губы в трубочку — кошка немедленно ткнулась в них носом и громогласно промурчала:

— Mon amour!¹

— И я тебя, доця, давай поаморкаю. — Чуб цёмнула «дочку» в ответ и растянула губы в улыбке — рыжепушистая любимица заменила ей солнце. — Маш, не помнишь, кто это сказал? Кошка — мохнатый будильник. Вот прямо про нашу Изиду Пуфик...

Маше будильник был и вовсе не нужен — она уже стояла посреди круглой комнаты Башни Киевиц — одетая, собранная, с чашкой свежесваренного, дивнопахнущего кофе в руках:

— На, пей. Нам через пять минут выходить.

— А что случится, если мы выйдем через шесть с половиной? — Даша всегда недолюбливала чрезмерную точность и страдала непреодолимой любовью к спорам по поводу и без оного.

— Пей. Я добавила туда алун-травы, против уныния, — Маша же Ковалева, напротив, спорить ужасно не любила, считая, что спорщицкий азарт слишком часто берет верх над желаньем сыскать беспристрастную истину.

¹ Моя любовь (фр.).

Даша Чуб села, рыжая кошка плюхнулась на пол и вдруг выгнула спину и издала ряд резких, противных и требовательных звуков.

— Что с тобой, Пуфик?

— Можете считать, что сегодня весна, — сообщил им размеренный голос. Растянувшаяся на каминной полке белоснежная кошка Белладонна перевернулась на спину, сладко вытянула все четыре лапы и промурлыкала чуть теплее: — Сердечно поздравляю Вас, Ясная Пани Мария.

— С чем? — смутилась Маша. — И откуда весна? Сентябрь на улице...

— 7 число, — уточнила белая кошка. — День Рыжих. А это для Изиды — похуже весны.

— Спасибо тогда, — Маша с сомнением потрогала свои рыжие волосы.

— Еще хуже весны? — сделала всепонимающее лицо Даша Чуб. — Так ты не мамку сегодня амор? — склонилась она над Изидой. — Тебе, доця, котя подавай?

— *Partie de plaisir*¹, — изрекла та, как обычно, по-французски. — *Sans facon*².

— В День Рыжих, — пояснила Белладонна, — у Изиды всегда просыпается любовь к приключениям. А еще каждый год в сентябре она собирается похудеть... Но пока еще не собралась. Лучше возьмите ее с собой. Иначе сама увяжется.

¹ Увеселительная прогулка (*фр.*).

² Без церемоний (*фр.*).